

Кирчанов М.В.

Исламское государство Индонезия в современной индонезийской культуре памяти
Minbar. Islamic Studies. 2023;16(2):337–358

DOI 10.31162/2618-9569-2023-16-2-337-358

УДК 930.85

Original Paper

Оригинальная статья

Исламское государство Индонезия в современной индонезийской культуре памяти

М.В. Кирчанов^{1а}

¹Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, e-mail: maksymkyrchchanoff@gmail.com

Резюме: Цель статьи – анализ особенностей восприятия образов Исламского государства Индонезия (1949–1962), формируемых в современной индонезийской мемориальной культуре в результате проведения исторической политики. Предполагается, что идеологические противоречия и методологические трудности локализации истории ислама в культуре памяти Индонезии отягощены коллективными травмами взаимного насилия и недоверия между светскими националистами и их исламскими оппонентами. Новизна исследования состоит в анализе попыток индонезийского общества сформировать компромиссный канон культуры исторической памяти, в рамках которой возникают и развиваются образы Исламского государства, ранее бывшего объектом негативной мифологизации, что вело к его маргинализации в коллективной исторической памяти. Проанализированы 1) особенности формирования образов Исламского государства в политике памяти, 2) перспективы и противоречия интеграции истории Исламского государства в историческое воображение мемориальной культуры Индонезии, 3) попытки ревизии истории Исламского государства в контексте развития мемориальной культуры современного индонезийского общества. Результаты исследования позволяют предположить, что общество Индонезии активно использует механизмы исторической политики для формирования нового образа истории Исламского государства, стремясь построить компромиссную версию мемориальной культуры, которая включала бы как светские, так и религиозные версии исторической памяти.

Ключевые слова: историческая память; политика памяти; мемориальная культура; ислам; Исламское государство Индонезия; интеллектуалы; проработка прошлого

Для цитирования: Кирчанов М.В. Исламское государство Индонезия в современной индонезийской культуре памяти. *Minbar. Islamic Studies*. 2023;16(2):337–358. DOI: 10.31162/2618-9569-2023-16-2-337-358

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Islamic State of Indonesia in modern Indonesian memorial culture

M.V. Kirchanov^{1a}

¹*Voronezh State University, Voronezh, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract: The purpose of the article is to analyze the peculiarities of the perception of the Islamic State of Indonesia (1949–1962) in modern Indonesian memorial culture and historical collective memory. It is assumed that the ideological contradictions and methodological difficulties of localizing the history of Islam in the culture of memory of Indonesia are aggravated by the collective traumas of mutual violence and mistrust between secular nationalists and their Islamic opponents. The novelty of the study lies in the analysis of the attempts of the Indonesian society to form a compromise canon of the culture of historical memory as a space for dialogue and development of the images of the Islamic State, which was previously the object of negative mythologization, which led to its marginalization in the collective historical memory. The author analyses 1) the features of the imagination of the Islamic State in the politics of memory, 2) the prospects and contradictions of integrating the history of the Islamic State into the historical imagination of the memorial culture of Indonesia, 3) attempts to revise the history of the Islamic State in the context of the development of the memorial culture of modern Indonesian society. The results of the study suggest that Indonesian society is active in its attempts to use the mechanisms of historical politics to form a new image of the history of the Islamic State, seeking to build a compromise version of the memorial culture, which would include secular and religious versions of historical memory.

Keywords: historical memory; politics of memory; memorial culture; Islam; Islamic State of Indonesia; intellectuals; elaboration of the past

For citation: Kirchanov M.V. Islamic State of Indonesia in modern Indonesian memorial culture. *Minbar. Islamic Studies*. 2023;16(2):337–358. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2023-16-2-337-358

Введение

Современная Индонезия относится к числу самых густонаселенных мусульманских стран мира. Большинство индонезийцев исповедует ислам в суннитской форме. Отношения между уммой и государством после обретения независимости никогда не были равными: периоды конфронтации могли сочетаться с активным сотрудничеством мусульманских лидеров с политическими элитами. Если национализм стал фактором, который объединял светских и мусульманских

националистов в общей борьбе против голландского колониализма, то политика тех элит, которые во второй половине 1940-х годов пришли к власти, привела к конфронтации между различными слоями общества, а линия раскола пролегла в восприятии статуса ислама. Если часть светских националистов настаивала на том, что Индонезия должна развиваться как секулярное государство, то их оппоненты указывали на необходимость признания ислама в качестве государственной религии.

Курс на социальную и политическую модернизацию правящих в Индонезии элит привел к институционализации светской модели, которая сохранялась как в первые десятилетия независимости, так и после установления в стране авторитарного режима «нового порядка». Секулярный характер индонезийской государственности при численном преобладании мусульман устраивал не все сегменты уммы Индонезии, что привело к активизации политического ислама. До 1965 г. В стране активно действовало несколько мусульманских партий, а исламисты были влиятельной политической силой. Политика «нового порядка» была направлена на нейтрализацию той угрозы, с которой режим сталкивался со стороны радикальной части верующих.

В Индонезии не только сложились различные модели отношений и взаимодействия между светскими элитами и сторонниками политического ислама, но и возникли различные культуры коллективной исторической памяти, формирующей образы истории ислама, включая его радикальные политические проявления, которые на протяжении второй половины XX века могли подвергаться принудительному забвению. Последнее было связано с тем, что часть уммы имела альтернативную историческую память, основанную именно на исламе, а не на принципах индонезийского политического национализма.

Поэтому история ислама стала границей, которая разделила различные версии индонезийской коллективной исторической памяти, основанные на разных мемориальных культурах и воспроизводимых ими канонах. В рамках последних одни и те же политики и связанные с их деятельностью события могли получать в исторической памяти диаметрально противоположное восприятие. История Исламского государства Индонезия как альтернативного проекта стала основой мемориальных конфликтов и войн памяти между сторонниками гражданской политической идентичности и ее оппонентами, склонными воспринимать ислам как системный элемент не только индонезийской исторической памяти, но и политической идентичности.

Цель и задачи статьи

В статье рассмотрены проблемы коллективной исторической памяти об Исламском государстве Индонезия как попытки утвердить принципы радикального политического ислама на государственном уровне в качестве системообразующего компонента модели развития. Целью статьи является анализ основных проблем восприятия истории Исламского государства (1949–1962) и его позднейших образов в контексте развития и функционирования коллективной исторической памяти и связанных с ней различных мемориальных культур. Задачами статьи является изучение особенностей формирования образа Исламского государства в политике памяти, анализ основных направлений функционирования и развития его образов в различных версиях мемориальной культуры, изучение перспектив преодоления войн памяти, связанных с различным восприятием Исламского государства в индонезийской политической культуре второй половины XX – первой четверти XXI века.

Методология и историография

В методологическом плане статья основана на использовании принципов междисциплинарной историографии памяти, которая интегрирует познавательные практики и стратегии историописания, используемые в рамках интеллектуальной и культуральной истории. В современной историографии существует консенсус относительно системного значения коллективной памяти для большинства обществ, так как «вспоминание (или забывание) определенных мест, событий, участников истории является индикатором тенденций развития общества – как для источников уверенности в себе, так и для дефицита этой самооценки. Выбор памяти (героический или травматический) может не только определить отношения в обществе, но и наметить механизмы его модернизации» [1]. В индонезийском контексте применение этого междисциплинарного подхода предусматривает анализ восприятия прошлого, связанного, в том числе, с историей ислама через призму развития различных мемориальных культур, которые в той или иной степени основаны на актуализации или замалчивании истории уммы.

Проблемы индонезийской политики памяти в контекстах формирования и развития образов Исламского государства Индонезия в отечественной историографии изучены крайне незначительно. Большинство работ по исторической памяти сфокусировано на восприятии и переосмыслении событий 1965 г. и их

последствий [2], связанных с той коллективной травмой, которую общество получило в результате применявшегося исламистами насилия [3]. Поэтому большинство работ, посвященных политике памяти и мемориальной культуре в Индонезии, соотносится с исламом только в контексте ответственности радикалов за политический террор [4].

В этой ситуации культура исторической памяти функционирует в условиях признания коллективной травмы, которую следует преодолеть путем активной проработки прошлого и формирования нового мемориального канона [5]. Болгарский исследователь Д. Крыстев подчеркивает, что для ряда обществ обращение к собственной коллективной памяти воспринимается как терапия [6], направленная на преодоление идеологических расколов. В условиях осознания такой необходимости в индонезийской культуре памяти в большей степени становятся заметными элементы исторического ревизионизма, что превращает историю уммы, в том числе и ее радикальных тенденций, в объект политики памяти [7]. Радикальный индонезийский ислам и те политические проекты, включая Исламское государство, которые предполагались в рамках его доктрины, в современной историографии, сфокусированной на изучении мемориальной культуры, в Индонезии изучены в меньшей степени, чем, например, историческая травма 1965 г. [8] и связанные с ней изменения в коллективной памяти [9].

Персонификация ИГ в мемориальной культуре

В актуальной мемориальной культуре Индонезии «идеалы создания Исламского государства никогда полностью не исчезали из политического нарратива» [10]. В современной мемориальной культуре коллективная память об Исламском государстве имеет различные формы и проявления. Основными акторами исторической политики, в рамках которой создается образ ИГ, являются средства массовой информации, формирующие различные видения прошлого, включая попытки превращения Индонезии в исламское государство. Благодаря СМИ образ ИГ в коллективной памяти подвергся значительной мифологизации.

Если бы «материалом коллективной памяти», как полагал М. Хальбвакс, «были только серии дат или списки исторических фактов, она бы играла лишь весьма второстепенную роль в закреплении наших воспоминаний» [11, с. 18] и не содействовала мемориальной и идеологической фрагментации общества. Память является стимулом для идеологической и политической поляризации. Побуждающим моментом к пересмотру мемориальной культуры индонезийскими

СМИ стало признание того, что Исламское государство, ставшее коллективной травмой, расколовшей общество, глубоко укоренилось на уровне как региональной, так и национальной памяти [12]. Одним из основных мотивов исторической политики является судьба лидеров исламистов. Центральной фигурой в таком неформальном пантеоне отцов-основателей ИГ является Картосувирьо (1905–1962), провозгласивший Исламское государство в 1949 г. В отношении лидера исламистов конца 1940-х – начала 1960-х годов в современной Индонезии предпринимаются попытки пересмотра его места в истории страны. Несмотря на угрозу со стороны радикального ислама, с которой сталкивается Индонезия, основоположник современного индонезийского исламизма воспринимается как последовательный и решительный борец за свободу и независимость, который не соглашался с умеренной политикой Сукарно, основанной, по мнению некоторых авторов, на уступках Западу [13].

Поэтому конструируется образ Картосувирьо как активного борца за свободу, а появление ИГ объясняется как проявление слабости центрального правительства, не сумевшего сохранить единство тех сил, которые ранее совместно боролись против голландского колониализма [14]. В рамках такой версии исторической памяти Картосувирьо создавал ИГ как «форму сопротивления» политике центральных властей [15]. Картосувирьо воспринимается как противоречивая, трагическая фигура, чьи «мечтания о халифате» [16] не только не соответствовали духу времени, но и содействовали фрагментации общества. Вместе с тем современные акторы, формирующие новый образ лидера исламистов, настаивают на том, что он, будучи сторонником радикального ислама, оставался индонезийским политиком, так как ограничивал свои политические планы только территорией Индонезии [17].

Что касается других фигур в истории ИГ, то они в коллективной памяти также подверглись мифологизации. Кахар Музаккар, возглавлявший ИГ на Южном Сулавеси, с одной стороны, объявляется «легендарной личностью» [18], с другой, его поддержка ИГ воспринимается как исключительно вынужденная, так как ранее центральные власти дважды отказывали ему в принятии на службу в вооруженные силы [19].

Наследие ИГ как стимул ревизии культуры памяти

Формируя подобный нарратив об исламизме, общая тональность которого варьируется между критикой и реабилитацией, индонезийские СМИ признают,

что проблема наличия различных коллективных памятей продолжает разделять общество Индонезии. По мнению В. Аусвэйта и Л. Рэя, пересмотр коллективных версий прошлого происходит после смены политического режима, так как предшествующая система памяти функционировала в «режиме забывания» [20, р. 180]. В индонезийском случае волна пересмотра представлений об ИГ в мемориальной культуре совпала как с общей демократизацией общества, так и с активизацией исламской политической инициативы. Оба эти фактора существенно содействовали большей видимости наследия ИГ в культуре памяти.

По мнению исследователей мемориальной политики, «восприятие прошлого имеет важное значение для легитимации современных идеологий» [21, р. 533], что в индонезийском случае совпадает и с оправданием актуального политического режима, который позиционируется как светский, что самым существенным образом влияет на коллективную память о попытках утвердить исламскую альтернативу в качестве модели развития. Несмотря на стремление избежать категоричных оценок, чтобы не усиливать фрагментацию общества, средства массовой информации, формируя новую модель памяти об ИГ, признают, что его история стала коллективной травмой, так как сопровождалась грабежами, экспроприацией продовольствия и применением насилия со стороны как исламистов [22], так и правительственных войск.

По мнению Т. Адорно, «от прошлого хотят избавиться: это справедливо, потому что в его тени жить невозможно» [23, р. 89], но процессы подобной цензуры исторической памяти содействуют политической фрагментации общества. В рамках такого восприятия ИГ в режиме если не «забывания», то ограниченной ревизии его наследия попытка создания Исламского государства определяется как коллективная травма, а военные действия между правительственными войсками и исламистами – как «ужасающее восстание» [24]. Поэтому СМИ актуализируют различные модусы коллективной памяти, позволяя в мемориальной культуре звучать голосам тех, кто считает исламистов и правительственных солдат соответственно «толпой» и «армией», одновременно актуализируя недовольство ситуацией, при которой погребенными остаются только погибшие солдаты армии, в то время как места захоронения исламистов неизвестны [25].

В мемориальной культуре утвердилось негативное отношение к ИГ. По мнению ряда экспертов, Исламское государство было антинациональным проектом, у истоков которого стояли не индонезийские исламисты, а голландские колонизаторы [26]. Если для одних активистов исторической памяти ИГ – ра-

дикальный проект, то для других – умеренный и даже реформистский, так как, по мнению некоторых экспертов, Картосувирью только «стремился изменить идеологию Панчасилы¹, чтобы она стала исламским законом» [27].

В мемориальной культуре Индонезии складывается тенденция к постепенной реабилитации основателя Исламского государства, так как «Бунг Карно, проливая слезы, поставил свою подпись на приговоре своего товарища по оружию... Бунг Карно был недостаточно силен, чтобы подписать смертный приговор, и причина была в том, что Картосовирью был его товарищем по оружию и другом детства» [28]. Такая стратегия развития альтернативной памяти осложнена доминированием официального дискурса в мемориальной культуре. По мнению российского историка памяти И. Калинина, «у истории может быть только один неделимый субъект» [29, с. 208], которым, как правило, является государство. Локализация в пространстве исторической памяти опыта ИГ была затруднена доминированием официальной идеологии Панчасилы, основанной на приоритете той модели индонезийской государственности, которая последовательно выстраивалась элитами во второй половине XX в. Несмотря на попытки подобной реабилитации ИГ, в культуре памяти Индонезии сложился мемориальный культ, связанный с жертвами исламистов [30], в то время как сами сторонники ИГ позиционируются как религиозные фанатики.

ИГ в мемориальной культуре: от войны памяти к мемориальному компромиссу

Каждая политическая система, по мнению А. Казакевича, «формирует собственную память, содержание которой определяется использованием различных форм работы с фактами прошлого» [31, с. 45]. Политически и идеологически выверенный отбор последних в современной Индонезии содействует сохранению ситуации множественности мемориальных культур в отношении ИГ. Это вызвано не только тем, что живы свидетели борьбы армии с радикальным исламом в 1950–1960-е годы, но и сохранились свидетельства противостояния, фиксируемые в ландшафте Индонезии. Примером такой визуализации исторической памяти стали находки на территории Бандунга утвари, связанной с партизанской вой-

¹ Панчасила (индонез. pancasila, букв.: «пять основ») – официальная государственная идеология Индонезии, предложенная в 1945 г. Сукарно, основными положениями которой являются 1) вера в единого Бога; 2) справедливая и цивилизованная гуманность; 3) единство страны; 4) демократия, направляемая разумной политикой консультаций и представительства; 5) осуществление социальной справедливости для всего народа Индонезии.

ной исламистов и сохраняющейся по инициативе местных жителей [32]. В этом контексте образ прошлого в обществах, подобных индонезийскому, может быть «основан или на непосредственном личностном опыте пережитого события, или опосредованно – на школьном и религиозном образовании, воспитании устной традицией, литературе» [33, с. 182]. Фрагментация памяти в Индонезии относительно истории и опыта ИГ актуализирует вовлеченность в мемориальную политику различных поколений индонезийского социума.

Примером фрагментации мемориальной культуры, с одной стороны, является тот факт, что родственники казненных в 1960-е годы исламистов не знают, где находятся их захоронения [34], а власти скрывают информацию, опасаясь роста и усиления альтернативной памяти, основанной не на гражданской идентичности, а на ценностях радикального ислама. Более того, фотографии казни Картосувирийо были опубликованы только в 2012 г. [35], что стимулировало новую волну фрагментации мемориальной культуры. Современная культура памяти функционирует как множественная: если в рамках гражданской коллективной памяти ИГ воспринимается как сепаратистский и исламистский проект, то для современных сторонников радикального ислама Картосувирийо является идеологическим ориентиром.

Именно об этом свидетельствует обязательный характер изучения его книг для сторонников радикальной группы «Khilafatul Muslimin», запрещенной в 2022 г. [36]. Тенденции к последовательному дроблению культуры памяти в Индонезии актуализируются на фоне попыток СМИ показать, что сторонники Картосувирийо были не просто исламистами, что, впрочем, не мешало им применять насилие в отношении других мусульман. Примером такой идеологически мотивированной проработки прошлого является восприятие в современной культуре исторической памяти событий 17 апреля 1952 г., когда исламисты пытались штурмом взять комплекс зданий исламской школы-интерната в Даруссаламе, что привело к столкновениям на территории мечети [37]. В современной Индонезии предпринимаются попытки консолидировать культуру памяти с использованием опыта худайбии² – примирения мусульман и их противников.

Историческая память, как полагают К. Брюггеманн и А. Казекамп, «помогает в создании общего прошлого и идеи единства, которая особенно важна в обществах, продолжающих развивать политическое сообщество» [38, р. 430].

² Худайбия (аль-Худайбиййат) – место, расположенное вблизи г. Мекки, где в 6 г. по Хиджре между мусульманами и их противниками был заключен Худайбийский мирный договор.

Проявлением последней тенденции стали попытки консолидации как политической идентичности, так и связанной с ней культуры памяти. Например, в августе 2019 г. за несколько дней до 74-й годовщины независимости Республики Индонезия Сарджоно Картосувирьо, один из сыновей основателя ИГ, принес присягу верности Индонезии, поцеловав при этом государственный флаг [39], не признаваемый исламистами, во главе которых несколькими десятилетиями ранее находился его отец. Эпизод с флагом в 2019 г. оказался не единственным в текущей индонезийской исторической политике. Начиная с 2020 г. флаг Исламского государства периодически открыто выставляется в публичных пространствах Индонезии наследниками исламистов [40].

Современная мемориальная культура стремится выработать компромиссный канон исторической памяти в отношении лидеров исламистов, которые воспринимаются не просто как сепаратисты, поднявшие военный мятеж против центрального правительства, но и как активные участники национальной и освободительной борьбы.

Визуализация ИГ в мемориальной культуре

В этом контексте заметны тенденции к ревизии более ранней версии исторической памяти, в рамках которой исламисты воспринимались исключительно негативно, что связано с общей ревизией восприятия места ислама в истории Индонезии. Попытки пересмотра истории были предприняты в конце 1990-х годов в связи с началом демократического транзита и фактическим возвращением в жизнь индонезийского общества политического ислама в качестве не только самостоятельного, но и допустимого актора.

По мнению Ю. Шеррер, «сама природа плюралистических обществ предполагает формирование в них различных и даже противоречащих друг другу толкований прошлого» [41, с. 92], что допускает множественность существующих исторических памятей, которые начинают активно использовать ресурсы визуальности. Помимо нарративных стратегий для «проработки прошлого» и ревизии исторической памяти в отношении Исламского государства индонезийские средства массовой информации активно визуализируют его образы, легитимируя тем самым пребывание радикального ислама в контекстах и пространствах мемориальной культуры. Ярким примером такой культуры памяти следует признать электронный журнал «Tirto», практически каждая публикация которого об Исламском государстве Индонезия сопровождается визуальными материалами,

призванными одновременно закрепить соответствующий образ ИГ, сопровождая его продвижением определенного нарратива.

История создания ИГ в визуализированной версии культуры памяти, например, редуцируется до видеоряда продолжительностью 48 секунд [42]. Одна из статей о Кахаре Музаккаре сопровождается современным коллажем с его изображением, актуализирующим не только комбатантный и героический образ одного из лидеров исламистов, но и символику Исламского государства, которая представляет альтернативу светскому проекту Индонезии как на уровне идеологии и политического устройства, так и символов. В ряде случаев визуализация образов ИГ призвана подчеркнуть сопоставимость фигур Картосувирьо и Сукарно [43], что указывает на стремление не только подвергнуть ревизии сложившуюся в мемориальной культуре иерархию отцов-основателей нации, но и «вернуть» в их число Картосувирьо, который оказался среди идеологически неприемлемых и нежелательных «Других» – оппонентов и критиков режима, не вписывавшихся в модель политической культуры, формируемой с середины 1940-х годов Сукарно и его соратниками, в деле строительства индонезийской государственности.

Заключение

Политика памяти в отношении истории Исламского государства не тождественна индонезийской академической историографии, хотя пересекается с ней в плане ассимиляции ее результатов и достижений через призму представленности истории ИГ в публичных и общественных пространствах исторической памяти. В этом контексте политика памяти в Индонезии, связанная с формированием и функционированием образов ИГ, актуализирует свою вовлеченность в поиск новых смыслов коллективного исторического опыта, что предусматривает ревизию ранее доминировавших оценок и интерпретаций.

Обращение мемориальной культуры Индонезии к проблемам истории ИГ в рамках политики памяти, основными участниками которой оказываются общественные активисты, использующие средства массовой информации, фактически ведет к большей актуализации тех моментов прошлого, которые ранее маргинализировались в силу политических и идеологических причин, так как их было практически невозможно интегрировать в тот канон коллективной памяти, который доминировал после 1965 г. В мемориальной культуре Индонезии одновременно софункционируют светская националистическая, либеральная и мусульманская версии коллективной исторической памяти, которые предлага-

ют различные образы истории ИГ. Поэтому было неизбежным и то, что история уммы, включая радикалов, подвергалась манипуляциям в различных версиях исторической памяти.

Функционирование такой модели мемориальной культуры было отягощено одновременным соразвитием и софункционированием нескольких коллективных памятей, которые легитимировали различные интерпретации истории ислама, включая попытки превращения Индонезии в Исламское государство. Развитие образов ИГ в мемориальной политике Индонезии отягощено противоречиями и сложностями локализации радикальной исламской государственной и политической альтернативы в исторической памяти.

В отношении истории ИГ достижение мемориального компромисса на современном этапе развития культуры коллективной исторической памяти представляется маловероятным, так как актуализация образов радикальной исламистской альтернативы в истории Индонезии конца 1940-х – первой половины 1960-х годов визуализирует доминирующие тенденции к политизации и идеологизации прошлого. История ИГ будет присутствовать в различных мемориальных культурах Индонезии, пребывая в центре «войн памяти» между сторонниками радикального ислама и их светскими оппонентами.

Конфликтный потенциал отражения истории ИГ в мемориальной культуре Индонезии указывает как на сложности формирования компромиссного канона коллективной исторической памяти, так и на важность последующих междисциплинарных исследований мнемонических пространств современного индонезийского общества.

Литература

1. Иванова Е. Консенсуси на българската памет. *Либерален преглед*. 2012, Март 29. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/1537-2012-03-29-07-44-45> (дата обращения: 03.12.2022).
2. Chandra S. New findings on the Indonesian killings of 1965–1966. *The Journal of Asian Studies*. 2017;76(4):1059–1086.
3. Parahita G.D., Yulianto V.I. The Treachery on YouTube: The Politics of Memory on New Media in Indonesia. *Archipel*. 2020;90:47–73.
4. Espena D. Remembering 1965: Indonesian cinema and the ‘Battle of History’. *Asian Studies: Journal of Critical Perspectives on Asia*. 2017;53(1):39–65.

5. Bubandt N. Ghosts With Trauma: Global Imaginaries And The Politics Of Post-Conflict Memory. E.-L. E. Hedman (ed.). *Conflict, Violence, and Displacement in Indonesia*. Ithaca, NY: Cornell University Press; 2018. P. 275–302.
6. Кръстев Д. Канон и/или агон. Литературноисторическите (ре)конструкции. Вачева А., Чобанов Г. (ред.). *Култура и критика. Т. 3. Краят на модерността?* Варна: LiterNet; 2003. P. 416–449.
7. Ikhwan Y., Yulianto V.I., Parahita G.D. The contestation of social memory in the new media: A case study of the 1965 killings in Indonesia. *Austrian Journal of South-East Asian Studies*. 2019;12(1):3–16.
8. Adam A.W. Beberapa catatan tentang historiografi Gerakan 30 September 1965. *Archipel*. 2018;95:11–30.
9. Budiawan, Terre E.R. *Mematahkan pewarisan ingatan wacana anti-komunis dan politik rekonsiliasi Pasca-Soeharto*. Jakarta: ELSAM; 2004. 291 p.
10. Narasi Negara Islam, Masih Layak? *Pinter Politik*. 2022. Februar 15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pinterpolitik.com/in-depth/narasi-negara-islam-masih-layak/> (дата обращения: 03.12.2022).
11. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. Габович М. (ред.). *Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия и Европа*. М.: Новое литературное обозрение; 2005. С. 16–50.
12. Matanasi P. Zaman Susah 'Negara Islam' di Sulawesi Selatan. *Tirto*. 2017. Agustus 15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tirto.id/zaman-susah-negara-islam-di-sulawesi-selatan-cuzR> (Accessed: 03.12.2022).
13. Prinada Y. Sejarah Pemberontakan DI-TII Kartosoewirjo di Jawa Barat. *Tirto*. 2021. Februar 16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tirto.id/sejarah-pemberontakan-di-tii-kartosoewirjo-di-jawa-barat-gajF> (Accessed: 03.12.2022).
14. Matanasi P. Kekecewaan Kartosoewirjo yang Memicu Proklamasi NII. *Tirto*. 2018. Agustus 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tirto.id/kekecewaan-kartosoewirjo-yang-memicu-proklamasi-nii-cQxD> (Accessed: 03.12.2022).
15. Nita D. SM Kartosoewirjo Proklamirkan NII 7 Agustus 1949 hingga Permintaan Terakhir sebelum Dieksekusi Mati Minggu. *Kompas TV*. 2022. Agustus 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kompas.tv/article/316504/sm-kartosoewirjo-proklamirkan-nii-7-agustus-1949-hingga-permintaan-terakhir-sebelum-dieksekusi-mati?page=all> (дата обращения: 03.12.2022).

16. Matanasi P. Sejarah Usang Khalifah Kahar Muzakkar di Sulawesi Selatan. *Tirto*. 2018. Desember 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tirto.id/sejarah-usang-khalifah-kahar-muzakkar-di-sulawesi-selatan-c99D> (дата обращения: 03.12.2022).
17. Mantolas S. Kartosoewirjo, Proklamator Negara Islam Indonesia. *Tirto*. 2016. Oktober 24. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tirto.id/kartosoewirjo-proklamator-negara-islam-indonesia-bXqX> (дата обращения: 03.12.2022).
18. Matanasi P. Legenda Kahar Muzakkar, Terbunuh tapi Dianggap Masih Hidup. *Tirto*. 2020. Februari 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tirto.id/legenda-kahar-muzakkar-terbunuh-tapi-dianggap-masih-hidup-cuz7> (дата обращения: 03.12.2022).
19. Matanasi P. Sekutu dan Seteru Kahar Muzakkar. *Tirto*. 2017. Agustus 15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tirto.id/sekutu-dan-seteru-kahar-muzakkar-cuzT> (дата обращения: 03.12.2022).
20. Outhwaite W., Ray L. Modernity, Memory and Postcommunism. Outhwaite W., Ray L. (eds). *Social Theory and Postcommunism*. London – New York: Blackwell Publishing Ltd; 2005. P. 176–197.
21. Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history. *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004;10(4):531–560.
22. Teguh I. Kesaksian Para Penyintas tentang Operasi Penumpasan DI/TII Bandung. *Tirto*. 2019. Maret 11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tirto.id/kesaksian-para-penyintas-tentang-operasi-penumpasan-di-tii-bandung-diY4> (дата обращения: 03.12.2022).
23. Adorno Th. The Meaning of Working Through the Past. Adorno Th. *Critical Models: Interventions and Catchwords*. Pickford H.W. (tr.). New York: Columbia University Press; 2005. P. 89–103.
24. Mawardi R. Apa Latar Belakang Pemberontakan DI/TII dan RMS? Berikut Penjelasannya. *Detik Edu*. 2022. Juli 27. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.detik.com/edu/detikpedia/d-6201505/apa-latar-belakang-pemberontakan-ditii-dan-rms-berikut-penjelasannya> (дата обращения: 03.12.2022).
25. Teguh I. Digorok Gerombolan: Kesaksian Penyintas Kekejaman DI/TII di Bandung. *Tirto*. 2019. Maret 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tirto.id/digorok-gerombolan-kesaksian-penyintas-kekejaman-di-tii-di-bandung-diFo> (дата обращения: 03.12.2022).

26. Santosa I. Persekongkolan DI/TII dan Belanda di Awal Kemerdekaan RI. *Kompas Media Nusantara*. 2021. November 17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaktif.kompas.id/baca/persekongkolan-di-tii-dan-belanda-di-awal-kemerdekaan-ri/> (дата обращения: 03.12.2022).

27. Ocky A.M. Mengenal Kartosuwiryo, Pendiri NII yang Jaringannya di Sumbar Ingin Gulingkan Pemerintah Sebelum Pemilu. *Kata Sumbar*. 2022. April 18. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://katasumbar.com/mengenal-kartosuwiryo-pendiri-nii-yang-jaringannya-di-sumbar-ingin-gulingkan-pemerintah-sebelum-pemilu/> (дата обращения: 03.12.2022).

28. Tepat 69 Tahun Silam Kartosoewirjo Proklamasikan Negara Islam Indonesia. *Nusantara News*. 2018. Agustus 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nusantaranews.co/tepat-69-tahun-silam-kartosoewirjo-proklamasikan-negara-islam-indonesia/> (дата обращения: 03.12.2022).

29. Калинин И. Прошлое как ограниченный ресурс: историческая политика и экономика ренты. *Неприкосновенный запас*. 2013;2:200–214.

30. Arifianto B. Kisah Mayor Utarya, Menjadi Nama Jalan di Kota Tasikmalaya dan Gugur Dibacok Kuduknya. *Pikiran Rakyat*. 2020. Juli 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pikiran-rakyat.com/jawa-barat/pr-01581229/kisah-mayor-utarya-menjadi-nama-jalan-di-kota-tasikmalaya-dan-gugur-dibacok-kuduknya> (дата обращения: 03.12.2022).

31. Акудовіч А., Казакевіч А. Навука і стратэгіі працы з мінулым. Дыскусія ў межах семінара «Сучаснае беларускае мысленне», Інстытут сацыялогіі, Інстытут філасофіі НАН, 16 сакавіка 2006 года. *Палітычная сфера*. 2006;6:44–48.

32. Arifianto B. Jejak Kartosoewirjo di Gunung Rakutak. *Pikiran Rakyat*. 2017. Juli 28. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pikiran-rakyat.com/bandung-raja/pr-01283794/jejak-kartosoewirjo-di-gunung-rakutak-406255> (дата обращения: 03.12.2022).

33. Маркава А. Гістарычная свядомасць як прадмет самарэфлексіі ў чэшскай гістарыяграфіі. *Беларускі Гістарычны Агляд*. 2012;19(1–2):179–212.

34. Matanasi P. Makam Pemberontak yang Ditakuti Penguasa. *Tirto*. 2016. Juli 25. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tirto.id/makam-pemberontak-yang-ditakuti-penguasa-bwhH> (дата обращения: 03.12.2022).

35. Fadillah R. Mimpi Imam Kartosoewirjo ganti Pancasila berujung regu tembak. *Merdeka*. 2017. Juni 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://>

www.merdeka.com/peristiwa/mimpi-imam-kartosoewirjo-ganti-pancasila-berujung-regu-tembak.html (дата обращения: 03.12.2022).

36. Mawardi I. Ajaran Kartosuwiryo yang Dianut Khilafatul Muslimin dan 14 Ribu Warganya. *Detik News*. 2022. Juni 16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.detik.com/berita/d-6131506/ajaran-kartosuwiryo-yang-dianut-khilafatul-muslimin-dan-14-ribu-warganya> (дата обращения: 03.12.2022).

37. Teguh I. Sejarah Masjid Cipari Garut dalam Pusaran Konflik dengan DI/TII. *Tirto*. 2019. Maret 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tirto.id/sejarah-masjid-cipari-garut-dalam-pusaran-konflik-dengan-di-tii-divh> (дата обращения: 03.12.2022).

38. Brüggemann K., Kasekamp A. The Politics of History and the “War of Monuments” in Estonia. *Nationalities Papers*. 2008;36(3):425–448.

39. Teguh I. Musim Semi dan Gugur DI/TII & Panji Negara Islam di NKRI. *Tirto*. 2019. Agustus 19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tirto.id/musim-semi-dan-gugur-di-tii-panji-negara-islam-di-nkri-egru> (дата обращения: 03.12.2022).

40. Ini Foto-foto 'Panglima Jenderal' Kibarkan Bendera NII yang Geger di Garut. *Detik News*. 2021. Oktober 13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.detik.com/foto-news/d-5765913/ini-foto-foto-panglima-jenderal-kibarkan-bendera-nii-yang-geger-di-garut> (дата обращения: 03.12.2022).

41. Шерпер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого. *Pro et contra*. 2009;13(3–4) май–август:89–108.

42. Kartosuwiryo: Proklamasi Negara Islam Indonesia – Tirto Mozaik. *Tirto*. 2018. Agustus 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tirto.id/kartosuwiryo-proklamasi-negara-islam-indonesia-tirto-mozaik-cQHw> (дата обращения: 03.12.2022).

43. Teguh I. Zaman Kacau Balau: Kala Kaum Kiri Menunggangi Gerakan DI/TII. *Tirto*. 2019. Maret 19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tirto.id/zaman-kacau-balau-kala-kaum-kiri-menunggangi-gerakan-di-tii-djQk> (дата обращения: 03.12.2022).

References

1. Ivanova E. Konsensusi na bŭlgarskata pamet [The consensus of the Bulgarian memory]. *Liberalen pregled* [Liberal Review]. 2012. Март 29. [Electronic source].

Available at: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/1537-2012-03-29-07-44-45> (Accessed: 03.12.2022). (In Bulgarian)

2. Chandra S. New findings on the Indonesian killings of 1965–1966. *The Journal of Asian Studies*. 2017;76(4):1059–1086.

3. Parahita G.D., Yulianto V.I. The Treachery on YouTube: The Politics of Memory on New Media in Indonesia. *Archipel*. 2020;90:47–73.

4. Espena D. Remembering 1965: Indonesian cinema and the 'Battle of History'. *Asian Studies: Journal of Critical Perspectives on Asia*. 2017;53(1):39–65.

5. Bubandt N. Ghosts With Trauma: Global Imaginaries And The Politics Of Post-Conflict Memory. E.-L. E. Hedman (ed.). *Conflict, Violence, and Displacement in Indonesia*. Ithaca, New York: Cornell University Press; 2018, pp. 275–302.

6. Krüstev D. Kanon i/ili agon. Literaturnoistoricheskite (re)konstruktsii [Canon and/or agon. Literary-historical (re)constructions]. Vacheva A., Chobanov G. (eds). *Kultura i kritika. Vol. 3. Krayat na modernostta?* [Culture and Criticism. Vol. 3. The end of modernity?]. Varna: LiterNet Press; 2003, pp. 416–449. (In Bulgarian)

7. Ikhwan Y., Yulianto V.I., Parahita G.D. The contestation of social memory in the new media: A case study of the 1965 killings in Indonesia. *Austrian Journal of South-East Asian Studies*. 2019;12(1):3–16.

8. Adam A.W. Beberapa catatan tentang historiografi Gerakan 30 September 1965 [Some notes on the historiography of the 30th September 1965 Movement]. *Archipel*. 2018;95:11–30. (In Bahasa Indonesia)

9. Budiawan, Terre E.R. *Mematahkan pewarisan ingatan wacana anti-komunis dan politik rekonsiliasi Pasca-Soeharto* [Breaking the inheritance of memories of post-Soeharto anti-communist discourse and reconciliation politics]. Jakarta: ELSAM Press; 2004. 291 p. (In Bahasa Indonesia)

10. Narasi Negara Islam, Masih Layak? [Islamic State Narrative, Still Worth It?]. *Pinter Politik*. 2022. Februar 15. [Electronic source]. Available at: <https://www.pinterpolitik.com/in-depth/narasi-negara-islam-masih-layak/> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

11. Halbwachs M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. Gabovich M. (ed.). *Pamyat' o voyne 60 let spustya. Rossiya, Germaniya i Yevropa* [The memory of the war 60 years later. Russia, Germany and Europe]. Moscow: New Literary Review Press; 2005, pp. 16–50. (In Russian)

12. Matanasi P. Zaman Susah 'Negara Islam' di Sulawesi Selatan [The Troubled Age of the 'Islamic State' in South Sulawesi]. *Tirto*. 2017. Agustus 15. [Electronic

source]. Available at: <https://tirto.id/zaman-susah-negara-islam-di-sulawesi-selatan-cuzR> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

13. Prinada Y. Sejarah Pemberontakan DI-TII Kartosoewirjo di Jawa Barat [History of the DI-TII Kartosoewirjo Rebellion in West Java]. *Tirto*. 2021. Februar 16. [Electronic source]. Available at: <https://tirto.id/sejarah-pemberontakan-di-tii-kartosoewirjo-di-jawa-barat-gajF> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

14. Matanasi P. Kecewaan Kartosoewirjo yang Memicu Proklamasi NII [Kartosoewirjo's Disappointment Triggered the NII Proclamation]. *Tirto*. 2018. Agustus 7. [Electronic source]. Available at: <https://tirto.id/kecewaan-kartosoewirjo-yang-memicu-proklamasi-nii-cQxD> (Accessed: 03.12.2022) (In Bahasa Indonesia)

15. Nita D. SM Kartosoewirjo Proklamirkan NII 7 Agustus 1949 hingga Permintaan Terakhir sebelum Dieksekusi Mati Minggu [SM Kartosoewirjo proclaimed NII 7th August 1949 until the Last Request before Executed Dead Sunday]. *Kompas TV*. 2022. Agustus 7. [Electronic source]. Available at: <https://www.kompas.tv/article/316504/sm-kartosoewirjo-proklamirkan-nii-7-agustus-1949-hingga-permintaan-terakhir-sebelum-dieksekusi-mati?page=all> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

16. Matanasi P. Sejarah Usang Khalifah Kahar Muzakkar di Sulawesi Selatan [History of the Outdated Caliph Kahar Muzakkar in South Sulawesi]. *Tirto*. 2018. Desember 8. [Electronic source]. Available at: <https://tirto.id/sejarah-usang-khalifah-kahar-muzakkar-di-sulawesi-selatan-c99D> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

17. Mantolas S. Kartosoewirjo, Proklamator Negara Islam Indonesia [Kartosoewirjo, Proclaimer of the Islamic State of Indonesia]. *Tirto*. 2016. Oktober 24. [Electronic source]. Available at: <https://tirto.id/kartosoewirjo-proklamator-negara-islam-indonesia-bXqX> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

18. Matanasi P. Legenda Kahar Muzakkar, Terbunuh tapi Dianggap Masih Hidup [The Legend of Kahar Muzakkar, Killed but Presumed Alive]. *Tirto*. 2020. Februari 3. [Electronic source]. Available at: <https://tirto.id/legenda-kahar-muzakkar-terbunuh-tapi-dianggap-masih-hidup-cuz7> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

19. Matanasi P. Sekutu dan Seteru Kahar Muzakkar [Allies and Enemies of Kahar Muzakkar]. *Tirto*. 2017. Agustus 15. [Electronic source]. Available at: <https://tirto.id/sekutu-dan-seteru-kahar-muzakkar-cuzT> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

20. Outhwaite W., Ray L. Modernity, Memory and Postcommunism. Outhwaite W., Ray L. (eds). *Social Theory and Postcommunism*. London – New York: Blackwell Publishing Ltd; 2005, pp. 176–197.

21. Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history. *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004;10(4):531–560.

22. Teguh I. Kesaksian Para Penyintas tentang Operasi Penumpasan DI/TII Bandung [The testimony of Survivors about the Bandung DI/TII Crushing Operation]. *Tirto*. 2019. Maret 11. [Electronic source]. Available at: <https://tirto.id/kesaksian-para-penyintas-tentang-operasi-penumpasan-di-tii-bandung-diY4> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

23. Adorno Th. The Meaning of Working Through the Past. Adorno Th. *Critical Models: Interventions and Catchwords*. Pickford H.W. (tr.). New York: Columbia University Press; 2005, pp. 89–103.

24. Mawardi R. Apa Latar Belakang Pemberontakan DI/TII dan RMS? Berikut Penjelasannya [What Is the Background of the DI/TII and RMS Rebellions? Here's the explanation]. *Detik Edu*. 2022. Juli 27. [Electronic source]. Available at: <https://www.detik.com/edu/detikpedia/d-6201505/apa-latar-belakang-pemberontakan-ditii-dan-rms-berikut-penjelasannya> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

25. Teguh I. Digorok Gerombolan: Kesaksian Penyintas Kekejaman DI/TII di Bandung [Gang Slits: Testimony of DI/TII Atrocity Survivors in Bandung]. *Tirto*. 2019. Maret 8. [Electronic source]. Available at: <https://tirto.id/digorok-gerombolan-kesaksian-penyintas-kekejaman-di-tii-di-bandung-diFo> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

26. Santosa I. Persekongkolan DI/TII dan Belanda di Awal Kemerdekaan RI [The DI/TII and Dutch conspiracies at the Beginning of RI's Independence]. *Kompas Media Nusantara*. 2021. November 17. [Electronic source]. Available at: <https://interaktif.kompas.id/baca/persekongkolan-di-tii-dan-belanda-di-awal-kemerdekaan-ri/> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

27. Ocky A.M. Mengenal Kartosuwiryo, Pendiri NII yang Jaringannya di Sumbar Ingin Gulingkan Pemerintah Sebelum Pemilu [Get to know Kartosuwiryo, the founder of NII whose network in Western Sumatra wants to overthrow the government before the election]. *Kata Sumbar*. 2022. April 18. [Electronic source]. Available at: <https://katasumbar.com/mengenal-kartosuwiryo-pendiri-nii-yang-jaringannya-di-sumbar-ingin-gulingkan-pemerintah-sebelum-pemilu/> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

28. Tepat 69 Tahun Silam Kartosoewirjo Proklamasikan Negara Islam Indonesia [Exactly 69 Years Ago Kartosoewirjo Proclaimed the Islamic State of Indonesia]. *Nusantara News*. 2018. Agustus 7. [Electronic source]. Available at: <https://nusantaranews.co/tepat-69-tahun-silam-kartosoewirjo-proklamasikan-negara-islam-indonesia/> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

29. Kalinin I. Proshloye kak ogranichennyy resurs: istoricheskaya politika i ekonomika renty [The Past as a Limited Resource: Historical Politics and Economics of Rent]. *Neprikosnovennyy zapas* [Emergency ration]. 2013;2:200–214. (In Russian)

30. Arifianto B. Kisah Mayor Utarya, Menjadi Nama Jalan di Kota Tasikmalaya dan Gugur Dibacok Kuduknya [The history of Major Utarya, whose name was given to a street name in the city of Tasikmalaya and was slashed to death by his neck]. *Pikiran Rakyat* [People's Mind]. 2020. Juli 1. [Electronic source]. Available at: <https://www.pikiran-rakyat.com/jawa-barat/pr-01581229/kisah-mayor-utarya-menjadi-nama-jalan-di-kota-tasikmalaya-dan-gugur-dibacok-kuduknya> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

31. Akudovič A., Kazakievič A. Navuka i stratehii pracy z minulym. Dyskusija ŭ miežach sieminara “Sučasnaje bielaruskaje myśliennie”, Instytut sacyjalohii, Instytut filasofii NAN, 16 sakavika 2006 hoda [Science and the strategies of working with the past. Discussion within the seminar “Modern Belarusian thinking”, Institute of Sociology, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences, March 16, 2006]. *Palityčnaja sfera* [Political Sphere]. 2006;6:44–48. (In Belarussian)

32. Arifianto B. Jejak Kartosoewirjo di Gunung Rakutak [Kartosoewirjo's trail on Mount Rakutak]. *Pikiran Rakyat* [People's Mind]. 2017. Juli 28. [Electronic source]. Available at: <https://www.pikiran-rakyat.com/bandung-raya/pr-01283794/jejak-kartosoewirjo-di-gunung-rakutak-406255> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

33. Markava A. Histaryčnaja sviadomasć jak pradmiet samarefleksii ŭ češskaj histaryjahrafii [Historical consciousness as a subject of self-reflection in Czech Historiography]. *Biellaruski Histaryčny Ahliad* [Belarusian Historical Review]. 2012;19(1–2):179–212. (In Belarusian)

34. Matanasi P. Makam Pemberontak yang Ditakuti Penguasa [The tomb of the Rebel the Rulers Feared]. *Tirto*. 2016. Juli 25. [Electronic source]. Available at: <https://tirto.id/makam-pemberontak-yang-ditakuti-penguasa-bwhH> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

35. Fadillah R. Mimpi Imam Kartosoewirjo ganti Pancasila berujung regu tembak [Imam Kartosoewirjo's dream of replacing Pancasila led to a firing squad]. *Merdeka* [Independence]. 2017. Juni 1. [Electronic source]. Available at: <https://www.merdeka.com/peristiwa/mimpi-imam-kartosoewirjo-ganti-pancasila-berujung-regu-tembak.html> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

36. Mawardi I. Ajaran Kartosuwiryo yang Dianut Khilafatul Muslimin dan 14 Ribu Warganya [Kartosuwiryo's Teachings Followed by Khilafatul Muslims and 14 Thousands of Its Citizens]. *Detik News*. 2022. Juni 16. [Electronic source]. Available at: <https://news.detik.com/berita/d-6131506/ajaran-kartosuwiryo-yang-dianut-khilafatul-muslimin-dan-14-ribu-warganya> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

37. Teguh I. Sejarah Masjid Cipari Garut dalam Pusaran Konflik dengan DI/TII [The History of the Cipari Garut Mosque in the Vortex of Conflict with DI/TII]. *Tirto*. 2019. Maret 5. [Electronic source]. Available at: <https://tirto.id/sejarah-masjid-cipari-garut-dalam-pusaran-konflik-dengan-di-tii-divh> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

38. Brüggemann K., Kasekamp A. The Politics of History and the “War of Monuments” in Estonia. *Nationalities Papers*. 2008;36(3):425–448.

39. Teguh I. Musim Semi dan Gugur DI/TII & Panji Negara Islam di NKRI [Spring and Autumn DI/TII & Banner of the Islamic State in the Unitary State of the Republic of Indonesia]. *Tirto*. 2019. Agustus 19. [Electronic source]. Available at: <https://tirto.id/musim-semi-dan-gugur-di-tii-panji-negara-islam-di-nkri-egru> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

40. Ini Foto-foto 'Panglima Jenderal' Kibarkan Bendera NII yang Geger di Garut [These are Photos of the 'Commander General' Raising the NII Flag in Garut]. *Detik News*. 2021. Oktober 13. Available at: <https://news.detik.com/foto-news/d-5765913/ini-foto-foto-panglima-jenderal-kibarkan-bendera-nii-yang-geger-di-garut> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

41. Scherrer J. Germaniya i Frantsiya: prorabotka proshlogo [Germany and France: working through the past]. *Pro et Contra*. 2009;13(3–4); May–August:89–108. (In Russian)

42. Kartosuwiryo: Proklamasi Negara Islam Indonesia – Tirto Mozaik [Kartosuwiryo: Proclamation of the Islamic State of Indonesia - Tirto Mozaik]. *Tirto*. 2018. Agustus 6. [Electronic source]. Available at: <https://tirto.id/kartosuwiryo->

Kirchanov M.V.

Islamic State of Indonesia in modern Indonesian memorial culture

***Minbar. Islamic Studies*. 2023;16(2):337–358**

proklamasi-negara-islam-indonesia-tirto-mozaik-cQHw (Accessed: 03.12.2022).
(In Bahasa Indonesia)

43. Teguh I. Zaman Kacau Balau: Kala Kaum Kiri Menunggangi Gerakan DI/TII [The Chaotic Age: When the Left Rides the DI/TII Movement]. *Tirto*. 2019. Maret 19. [Electronic source]. Available at: <https://tirto.id/zaman-kacau-balau-kala-kaum-kiri-menunggangi-gerakan-di-tii-djQk> (Accessed: 03.12.2022). (In Bahasa Indonesia)

Информация об авторе

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран, факультет международных отношений, кафедра истории зарубежных стран и востоковедения, исторический факультет, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация.

About the author

Maxim V. Kirchanov, Dr. Sci. (History), Associate Professor, the Department of Regional Studies and Foreign Countries Economics, the Faculty of International Relations, the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Historical Faculty, Voronezh State University, Voronezh, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 05 декабря 2022
Одобрена рецензентами: 15 февраля 2023
Принята к публикации: 16 апреля 2023

Article info

Received: December 05, 2022
Reviewed: February 15, 2023
Accepted: April 16, 2023